

цузские ученые. Вольтер, в частности, считал, что Петр исключительно силой своего гения извлек из мрака невежества целую огромную страну. Согласно точке зрения Руссо, Петр тоже действовал один и при этом произвольно направил развитие страны отнюдь не идеальным образом: «...хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских». ³⁸ Монтескье рассматривал эту проблему глубже: он попытался выяснить, как соотносились действия Петра с положением дел в допетровской России. При этом Монтескье пришел к выводу, который настолько заинтересовал Екатерину II, что она практически дословно перевела его в своем «Наказе»: «Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал». ³⁹

Муравьев в своей статье перечисляет все существующие точки зрения, уже этим перечислением подчеркивая их односторонность: «... царствование Петра Великого представляет поводы к важнейшим размышлениям. Один человек перемещает совершенно вид пространныго государства, приобретает толь неодолимую власть над другими и над собою, что заставляет отказаться от обычаев и нравов, в которых народы воспитаны были с младенчества, и столь же удобно вливает в них понятия новые и необыкновенные. Какие причины, нравственные и политические, вспомоществовали предприятиям государя? Нашел ли он, как некоторые думают, в самом народе российском неожиданную удобность принять европейские нравы? Или непреодолимое трудолюбие Петрово довольно для изъяснения сего важного происшествия? Государь ограничил себя должностию подражателя, когда мог быть сам зиждителем народного умоначертания. Не последую одеянию и обращения немца и англичанина, россиянин мог участвовать в просвещении их и науках. То, что было похвально в российских нравах, несмотря на внешность, должноствовало бы остаться без перемены. Что в искусствах и упражнении, думают они, ежели гражданин сделался равнодушен к отечеству своему... Сообразен ли был с истинною политикою сей поступок государя Петра I принудить народ к принятию иностранных нравов или сей великий человек сам увлечен был слепым пристрастием к подражанию иностранного? Вот важные вопросы, достойные обратить на себя внимание всякого мыслящего человека» (II, 136—138). Этой фразой статья и заканчивается. Муравьев даже не пытается дать ответ на поставленные вопросы.

³⁸ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 183.

³⁹ Наказ ея императорского величества Екатерины втория, данный комиссии о сочинении нового уложения. СПб., 1770, с. 6.